Хэ Шу нерешительно замер, раздумывая, стоит ли подходить. Но стоило его носку сделать шаг вперёд и почти ступить на залитый солнцем внешний двор, как неторопливо раздался голос матери Хэ:

— Не переживай, Хэ Шу просто такой человек. До твоего появления мы относились к нему так хорошо, но никогда не видели от него ни малейшей отдачи. К тому же, сколько вы вообще общаетесь? У этого ребёнка холодный нрав, не можешь растопить — и ладно.

Шаг замер на месте. Те слова, словно залитый свинцом свинец, влились в уши, заставляя кровь застыть. Хэ Шу слегка приоткрыл рот и так и замер на месте, словно вбитый в землю гвоздь.

Хэ Юй тихо всхлипнул и вытер слёзы бумажной салфеткой:

— Пожалуйста, не говорите так. В моём сердце братец Хэ Шу всегда был невероятно талантливым человеком, его картины даже получали награды, это так здорово.

— Разве умение рисовать — это показатель талантливости? — мать Хэ улыбнулась. Она опустила ножницы и небрежно бросила: — Это всё благодаря нашему воспитанию. Из года в год на его занятия живописью уходило никак не меньше семизначной суммы, так что даже у совершенно бесталанного человека хоть что-то бы да получилось.

Сказав это, она на мгновение замолчала, задумавшись, а затем перевела взгляд на Хэ Юй:

— Если мне не изменяет память, ты ведь тоже любишь рисовать? Хочешь учиться?

Хэ Юй широко распахнул глаза, его взгляд ярко сиял, напоминая ребёнка, получившего заветный подарок, но в то же время в нём сквозили замешательство и робость:

— Но учитель Янь говорил, что возьмет в закрытые ученики только братца Хэ Шу. Пожалуй, я откажусь… Братец Хэ Шу такой способный, ему одному будет достаточно.

Хэ Шу в упор смотрел на стоявших у цветочного горшка двоих. Чувство, сдавшееся в груди, напоминало сгустившиеся грозовые тучи, которые были готовы в любую секунду выплеснуться наружу и взорваться.

Мать Хэ поправляла срезанные ветки. Когда этот цветок ждали с замиранием сердца, его взращивали с трепетом, а теперь, посчитав лишним, выбросили как ненужную тряпку. Она небрежно произнесла:

— Хочешь учиться — иди и учись. Ты мой сын, больше не говори таких слов о самоуничижении.

В тот момент семнадцатилетний Хэ Шу едва сдерживался, чтобы не броситься вперёд и не

закричать: А как же я? Разве я не твой сын?

Но вскоре до него дошло до смущения смехотворное обстоятельство: нет, не сын, ведь это Хэ Юй оказался тем, чью жизнь поменяли местами. У него самого с семьей Хэ не было и капли кровного родства. И то, что семья Хэ вообще разрешила ему остаться в доме, уже было великим благом — с какой стати он требовал справедливости?

Той ночью он так и не сомкнул глаз, просидев в комнате до самого рассвета.

Спустя неделю учитель Янь, который учил Хэ Шу с самого детства, позвал его к себе. Долго подбирая слова и замирая на полуслове, он смотрел на него полным беспомощности взглядом.

Старик Янь уже постарше, да вдобавок совмещает обязанности председателя художественного центра, у него физически не было сил брать ещё одного ученика. После долгих безуспешных переговоров, учитывая давние связи между двумя семьями, в конце концов вместо Хэ Шу учиться рисованию стал Хэ Юй.

В тот день Хэ Шу походил на парящего в небе орла, которому сломали крылья, оставив на теле две кровоточащие раны.

Все знали, что он мечтает стать художником, но на двадцать второй день после появления Хэ Юя в этом доме его устремления силой оборвали на полуслове.

Хэ Шу казалось, что это был самый темный момент его жизни, когда он рухнул на самое дно ада. Позже он понял, что то, что он видел тогда, было лишь вратами в преисподнюю.

Настоящий ад только начинался.

Каждый член семьи Хэ был палачом.

Голос Хэ Шэнъюаня вернул Шэнь Синланя в реальность:

— Малыш Шу?

Солнечный свет пробивался сквозь ветви, падая пятнами на землю. Невдалеке, на спортивной площадке, доносились обрывки чьих-то голосов. Хэ Шэнъюань стоял неподалеку от Шэнь Синланя и смотрел на него с беспокойством на лице.

Шэнь Синлань опустил взгляд, ресницы отбрасывали тень, а мягкий золотистый свет играл на них, придавая его облику тимянное спокойствие:

— Раз уж речь о каких-то грошах, почему бы старшему брату не вернуть их за него?

Хэ Шэнъюань на мгновение замер. Оба они были его младшими братьями, и плоть на обеих сторонах ладони одинаково дорога. Если он мог уладить дело деньгами, это, конечно, было бы к лучшему.

Он не раздумывал:

— Хорошо.

Шэнь Синлань поднял на него глаза и пару секунд смотрел молча, после чего мягко улыбнулся:

— Я пошул. Просто детские шалости, с чего бы старшему брату за это платить?

А детские ли это шалости — Шэнь Синлань знал лучше кого бы то ни было.

В изначальном сюжете те часы были единственным наследством, оставленным отцом Хэ, и одновременно опорой, поддерживавшей веру Хэ Шу в его художественную мечту.

Хэ Юй испортил его часы, и Хэ Шу тогда вспылил, заняв жесткую позицию: он потребовал от Хэ Юя компенсации и извинений.

Подросток, приехавший из глухой провинции, разве когда-либо сталкивался с подобным напором? Он тут же испугался, растерялся, случайно оступился на лестнице и слёг с ночным жаром.

Все решили, что он намеренно ставит Хэ Юя в неловкое положение. Даже Хэ Шэнъюань, который всегда баловал и опекал его, не стерпел и сказал Хэ Шу, что тот его сильно разочаровал.

В конце концов, под мягким и жестким нажимом матери Хэ, Хэ Шу был вынужден прийти к постели Хэ Юя, помириться с ним и заявить, что не держит зла.

Когда он произносил эти слова, всё внимание окружающих было приковано к хрупкому и болезненному юноше на больничной койке, и никто не заметил мелькнувших в глазах Хэ Шу слёз.

Обижали его, истинную жертву, а виновник, валяясь в постели, с легкостью забирал всю заботу семьи Хэ, в то время как он сам оказывался неблагодарным смутьяном, которого силой заставили признать свою вину.

Оставалось лишь проглотить обиду вместе со сломанными зубами.

Услышав слова Хэ Шу, Хэ Шэнъюань наконец немного расслабился. Он вовсе не хотел обижать Хэ Шу, но как старший брат был обязан блюсти справедливость и держать чашу весов ровно.

Хэ Юй еще мал, и он не со зла, к тому же пустяковое дело.

Хэ Шэнъюань терпеливо произнес:

— Я куплю тебе точно такие же часы, и на этом закроем тему, идет?

Он тоже понимал, насколько дороги были Хэ Шу эти часы, которые тот всегда носил с собой, но на данный момент лучшего решения просто не существовало.

Улыбка Шэнь Синланя была чистой и послушной:

— Раз уж старший брат так говорит, я не хочу ставить тебя в неловкое положение. Будем считать это подарком при встрече, который я заранее приготовил для младшего брата. Мы же все братья, к чему мне ссориться с Юй-юем?

Хэ Шэнъюань слегка удивленно приподнял бровь: всё разрешилось гораздо проще, чем он предполагал. Худшим сценарием, который он рисовал в воображении, была бурная сцена со скандалом от Хэ Шу, но ничего подобного не произошло.

Такая рассудительность Хэ Шу неожиданно вызвала в душе Хэ Шэнъюаня смутное чувство вины, и он переспросил:

— Точно не нужно?

Шэнь Синлань с улыбкой покачал головой.

Видя его непреклонность, Хэ Шэнъюань больше не стал настаивать. Он шагнул вперед и поднял руку.

Хэ Шэнъюань был чуть выше Хэ Шу — на добрую половину головы. Его пальцы коснулись мягких прядей волос юноши. С его точки зрения отчетливо было видно, как уголки розоватых губ Хэ Шу сжались в тонкую линию. Послушный вид и живой, пронзительный взгляд заставляли вспомнить лесного оленёнка.

http://bllate.org/book/26521/3174721